

Т. А. Базарова

**«ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ»:
ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
в 1710 г.**

Военно-правовые аспекты плена и повседневная жизнь военнопленных Северной войны находятся в центре внимания современных исследователей¹. В XVIII столетии еще не существовало общеевропейского законодательства, которое регулировало статус военнопленного. Историки отмечают, что вопросы содержания и обмена пленных в основном регулировались традициями, накопленными в ходе ведения многочисленных войн². В годы Северной войны решение этих вопросов также зависело и от успехов русской армии на полях сражений.

Первыми русскими военнопленными Северной войны оказались генералы, офицеры и солдаты, захваченные под Нарвой в ноябре 1700 г. Месяцем ранее, в октябре 1700 г., после объявления царем войны Швеции были арестованы русский резидент А. Я. Хилков и все остальные сотрудники русской дипломатической миссии. Переговоры об их освобождении или обмене на подданных шведской короны продолжались в течение нескольких лет. В начале Северной войны все попытки русского правительства осуществить массовый обмен военнопленных наталкивались на нежелание шведской стороны. Как правило, производился размен солдат и офицеров строго по спискам, исходя из принципа «чин на чин»³. Военнопленные обычно возвращались на родину через Копенгаген, Ревель или Выборг⁴.

После побед царской армии под Полтавой и Переволочной (1709), когда в русском плену оказалось около 19000 шведов, в том числе многие офицеры и генералы⁵, Петр I снова попы-

тался инициировать массовый обмен пленными. В августе 1709 г. отпущенный «на пароль» королевский секретарь Й. Цедергельм привез из Москвы в Швецию русские предложения о мире и генеральном размене. Однако шведское правительство согласилось приступить к мирным переговорам только после отпуска всех пленными на родину. В начале 1710 г. Королевский совет сформулировал новое предложение: вместо обмена производить выкуп пленными, которое было отвергнуто русскими властями⁶.

После взятия летом 1710 г. русскими войсками Выборга и Риги, а также отказа царя отпустить гарнизоны и мирных жителей начался новый этап переговоров об обмене нарвских пленников и сотрудников дипломатической миссии в Стокгольме. В августе А. Я. Хилков предложил шведским властям для обсуждения условий обмена пленными разрешить ему под честное слово выехать в Санкт-Петербург. Однако шведы ему в этом отказали. Было запланировано лишь участие резидента в переговорах на находившихся в море шведских кораблях по поводу инцидента, связанного с захватом русской шнявы. В конце сентября 1710 г. А. Я. Хилкова привезли в Финляндию в Сарвилахти, а затем в имение Велиес близ Або. В Стокгольм он вернулся только 28 октября 1711 г.⁷.

К событиям, связанным с несостоявшимся обменом 1710 г., относится письмо А. И. Манкиева, которое было опубликовано С. Р. Долговой под названием «о неудавшейся попытке кн. А. Я. Хилкова бежать из плена»⁸. 29 декабря 1710 г. А. И. Манкиев сообщил А. Д. Меншикову, что русский резидент «из флота» отправил пожитки с людьми к Выборгу, чтобы оттуда доставить в Санкт-Петербург. Он также пожаловался светлейшему князю, что с начала ноября вещи резидента находятся на выборгском взморье в деревне Иберкала, поскольку комендант Г. П. Чернышев без указа А. Д. Меншикова не позволит их доставить к месту назначения. А. И. Манкиев просил петербургского губернатора разрешить доставить «помянутые князя Андрея Яковлевича пожитки с людьми, при них сущими, на подводях царского величества государя сюда в Петербург без замешкания и утраты»⁹.

Причина, по которой Г. П. Чернышев не позволял людям с вещами резидента покидать морской берег, открывается при изучении хранящихся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН писем выборгского коменданта петербургскому губернатору¹⁰.

Г. П. Чернышев не пускал людей и запрещал доставку имущества не по злему умыслу или дурному характеру, а руководствуясь полученным указом. На Севере Европы и в Прибалтике в 1710 г. свирепствовала эпидемия моровой язвы. Перед комендантом поставили задачу не пропускать потенциальных носителей болезни на вверенную ему территорию, чтобы не допустить дальнейшего распространения эпидемии.

14 ноября 1710 г. он получил письмо А. Д. Меншикова с указом Петра I, который «велено в городе и в уезде при собрании многих людей прочесть для всенародного ведения, и в пристойных местах прибить... о настоящей поветренной болезни», а также немедленно прислать ведомости о заболевших¹¹. Г. П. Чернышев принял срочные меры, чтобы оградить гарнизон и население города от контактов с возможными носителями болезни. На подходе к Выборгу поставили заставы. 26 ноября 1710 г. к одной из них пришел «из полков» шведский вахмистр с барабанщиком. Парламентеру не позволили войти в город, а принятые через огонь письма переслали в Санкт-Петербург. Г. П. Чернышев не упоминает, касались ли подобные меры возвращавшихся в город шпионов, которых набирали из местных жителей. Так, на следующий день в Выборг прибыл некий «чюхна», который принес сведения об отходе шведских полков из Вильманстранда в Або¹².

Меры предосторожности оказались весьма своевременными. 5 октября 1710 г. из Стокгольма вышла шкута, на которой находились отпущенные на родину «за породем господина резидента князь Андрея Яковлевича Хилкова» русские военнопленные: три офицера (капитан, поручик и трубач), унтер-офицеры, а также рядовые драгуны и солдаты¹³. На этом же судне из шведской столицы отправили и вещи генерала А. А. Вейде, которого в августе обменяли на рижского губернатора Н. Штремберга — «два сундука с рухледью». Да и сам надеявшийся на скорое возвращение на родину русский резидент погрузил на шкуту крупногабаритные предметы — «корету с шоры, сани, телегу казенную»¹⁴.

К несчастью, на борту оказался больной, заразивший остальных. Три русских офицера и многие рядовые заболели и скончались. В результате эпидемии из двухсот выехавших из Стокгольма в живых осталась только половина — сто человек. Выживший очевидец сообщил русскому командованию, что «как у нас

люди мерли и у них были язвы, и сего ноября 12 числа, будучи на море у Березовых островов на шветцком флоте, господину резиденту донесено». В ответ на это сообщение А. Я. Хилков указал следовать далее к Кроншлоту и, не доходя до него две мили, остановиться и писать оттуда в Санкт-Петербург. На этом судне вместе с уцелевшими солдатами (офицеры скончались) резидент отправил свои письма Г. И. Головкину. Однако капитан корабля отказался идти к Кроншлоту и высадил русских солдат на финский берег в тридцати верстах от Выборга.

14 ноября 1710 г. выжившие унтер-офицеры Осип Савельев и Никита Галецкой «с товарищи» написали Г. П. Чернышеву: «И ныне мы, бедные пленники, на берег ссажены против Березовых островов под пустыми деревьями Ахтела и Картеля, и без указа его царского величества иттить никуда не смеем»¹⁵. Унтер-офицеры также сообщили, что среди солдат есть заболевшие, однако «моровое поветрие тихнет, и многия от той болезни свобождаются»¹⁶.

Это письмо им удалось отправить с жителем деревни Журавлевой «чюхною» Силой Журавлевым. Бывшие военнопленные просили прислать им продовольствия («помираем з голоду»). Выделенный шведским правительством запас давно закончился, так как был рассчитан на месяц пути, а они «за нещастием своим» находились в море шесть недель¹⁷.

16 ноября 1710 г. П. Чернышев отсутствовал в Выборге, и С. Журавлев передал пакет полковнику Матвею Неклюдову. Однако полковник не смог доставить солдатам продовольствие, так как из-за непогоды дороги оказались размывтыми. Они получили указ собирать провиант в окрестностях, не притесняя местных жителей: «толко изволте по достоинству имать з ближних к вам дву деревень, и до указу будте в тех местех, усматривая того накрепко, дабы чюхна к нам не ездили. А с которых деревень станете правиант збирать, и тем деревням обид и разорения не чинить, також и в другие деревни самим не ездить и никого не посылать. А сколко со оных деревень правианту и в котором числе будет взято и то записывать имянно»¹⁸.

В дальнейшем, Г. П. Чернышов нашел способ поддерживать военнопленных продовольствием. Уже 18 ноября им послали сухарей из расчета по полчетверику на человека. Доставлявшим продовольствие офицеру и солдатам в целях безопасности

велели положить сухари на землю и не приближаться к финским деревням, в которых разместились бывшие военнопленные¹⁹. 27 ноября Г. П. Чернышев сообщил губернатору, что послал находившимся в «пустых деревнях» солдатам еще по четверику сухарей²⁰. Помимо сухарей, бывших военнопленных снабжали крупами и солью. С 14 по 20 ноября 1710 г. уже в финской деревне умерло еще три человека («а какую болезнью, о том не сказали, а после все здоровы»)²¹. 28 ноября комендант повторил указ: под страхом смертной казни не покидать деревень.

18 ноября 1710 г. П. Чернышев доложил А. Д. Меншикову, что «со шветцкова карабля прислал князь Хилков человека своего и пожитки». Посланец сообщил, что на корабле, с которого он прибыл, заболевших людей нет. Вещи А. Я. Хилкова сложили на берегу в деревне в шести верстах от Выборга²². Надо полагать, что посланцем резидента был Алексей Ильич Манкиев. Г. В. Шебалдина отметила, что поездка секретаря не была согласована со шведскими властями и впоследствии создала много проблем на переговорах²³.

По-видимому, выборгский комендант все-таки позволил А. И. Манкиеву следовать в Санкт-Петербург, откуда он в декабре и отправил письмо светлейшему князю с жалобой на Г. П. Чернышева, не разрешившего доставить на берега Невы имущество резидента. Сопровождавшим вещи А. Я. Хилкова солдатам также стали присылать продовольствие из Выборга, но и им «под смертным штрафом» запретили покидать свою деревню²⁴.

Таким образом, в ноябре-декабре 1710 г. из-за эпидемии чумы две группы возвращавшихся из Швеции военнопленных были вынуждены остановиться в финских деревнях в окрестностях Выборга. Им категорически запретили контакты с солдатами выборгского гарнизона и местными жителями, а также соблюдали меры предосторожности при доставке продовольствия. Последнее из сохранившихся до наших дней в походной канцелярии А. Д. Меншикова писем, где упоминаются бывшие военнопленные, датировано 31 декабря 1710 г. П. Чернышев доложил о получении указа губернатора: «присланных из шведских полков наших пленников не принимать, а которые будут присланы или выходцы, чтоб таким чрез опаснай способ брасать хлеб, а с ними не сходитца»²⁵.

Дальнейшая судьба этих людей не известна. Вероятно, когда опасность распространения эпидемии миновала, им позволили прибыть в Выборг, откуда они продолжили свой долгий путь на родину.

---

¹ *Биргегорд У.* 1) Русские военачальники в шведском плену // Родина. 2009. № 7. С. 94–99; 2) О русских высших чинах в шведском плену // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 207–229; *Акишин М. О.* Пленные Северной войны: Правовое положение // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 2009. С. 166–194; *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб., 2011; *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014; *Дуров И. Г.* Положение российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700–1721 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/o-polozhenie-rossijskix-i-shvedskix-voennoplennyx-v-period-severnoj-vojny-1700-1721-gg/>.

² *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 112–118; *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 89–93. В 1715 г. в российском праве отношение и порядок обращения с военнопленными стали регламентироваться особыми статьями Артикула воинского (см.: *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 123).

³ *Акишин М. О.* Пленные Северной войны: Правовое положение. С. 186. Во время Северной войны помимо равноценного обмена также практиковались односторонний отпуск пленного «на пароль» с обещанием не воевать против отпустившей его стороны, а также временный отпуск «на поруки» с обещанием вернуться в установленный срок (Там же).

⁴ Шведские корабли с возвращаемыми русскими пленными приходили к Выборгу вплоть до захвата крепости царскими войсками. Наверное, последняя «шкута» прибыла 19 мая 1710 г., когда русские полки уже готовились к штурму (см.: *Мышляевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893. № 88. С. 102; № 90. С. 103. (Сборник ВИМ. Вып. V)).

⁵ Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. № 337. С. 439–452; № 340. С. 454–478.

⁶ *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. С. 120; *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 93–94.

⁷ *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 126–127. В результате длительных переговоров была достигнута договоренность об обмене попавших в плен под Нарвой грузинского царевича Александра Арчиловича Багратиони и генерал-майора И. Ю. Трубецкой на министра К. Пипера и полковника Фока. Также обсуждалась возможность обменять Я. Ф. Долгорукого и А. М. Головина на генерал-фельдмаршала К. Г. Рёншильда. В конце 1710 г. знатных пленных повезли в сторону русско-финской границы, где предполагался размен. В декабре 1710 г. А. А. Багратиони, И. Ю. Трубецкой и А. М. Головин подписали обязательство

вернуться назад в случае, если обмен не состоится. По пути к границе трех генералов задержали на месяц (до 26 января 1711 г.) в городе Умео. 3 февраля 1711 г. царевич скончался. 3 июля того же года Я. Ф. Долгорукий бежал, остальных вернули в Стокгольм (см.: *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 86–87, 126–127; *Биргегорд У.* О русских высших чинах в шведском плену. С. 228–229).

⁸ Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717): К истории Северной войны: Сборник документов. М.; СПб., 2015. № 6. С. 292–293.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова).

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 3981. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Д. 3956. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Д. 3965. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. Д. 3981. Л. 1 об.

²¹ Там же. Д. 3090. Л. 1 об.

²² Там же. Д. 3965. Л. 1 об.

²³ *Шебалдина Г. В.* Заложники Петра I и Карла XII... С. 126.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4070. Л. 1 об.

²⁵ Там же.